

Михаил Ефимов

О ХОЖДЕНИИ ПО ЛЬДУ И РАЗГОВОРАХ С ТЕНЯМИ
(КОММЕНТАРИЙ К НАБОКОВСКОМУ
СТИХОТВОРЕНИЮ)

Поздние русские стихи Набокова, за некоторыми исключениями¹, всё еще не стали предметом пристального внимания исследователей, что довольно странно: именно поздняя поэзия (с конца 1930-х годов) позволяет без оговорок говорить о набоковской поэтической музе². Поздняя поэзия Набокова трудна для чтения: она герметична, лаконична и полна имплицитными смыслами, не «считываемыми» с поверхности текста. Изоощренные интертекстуальные стратегии, которыми Набоков столь знаменит, для Набокова нужны не сами по себе (Набоков взыскателен и не тратит своих художественных сил на праздное жонглерство цитатами), а призваны в этих поэтических текстах сообщить нечто важное о Набокове-художнике и Набокове-человеке. «Американский писатель Набоков» публиковал эти единичные русские

---

¹ Кац Б. “Ехеги monumentum” Владимира Набокова: к прочтению стихотворения «Какое сделал я дурное дело...» // Литературное обозрение. 1999. № 4. С.72-77; Senderovich S., Shvarts Ye. Vladimir Nabokov and Nikolai Gumilev: A Commentary to a Nabokov poem // Творчество диаспоры и «Новый журнал» / Под ред. М. Адамович и В. Крейда. N.Y.: The New Review Publishing, 2003. P.131-144; Meylac M. Intertextuality and (Meta)poesis: Some Enigmas of Nabokov’s ‘Seven Poems’. – In: *Nabokov’s World*. Vol. 2: Reading Nabokov. Ed. by Jane Grayson, Arnold McMillin, and Priscilla Meyer. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. (Studies in Russian & Eastern European History.) P. 40-58. Отметим, что никакого единого понимания даже эти немногочисленные исследования не создают, поскольку – как в двух последних из указанных работ – предлагают взаимоисключающие толкования.

² Малое число русских стихов, написанных Набоковым после переезда в Соединенные Штаты, дает, возможность системно описать поэтику поздних русских стихов Набокова, однако этого не произошло до сих пор.

стихи в эмигрантской периодике, контекст этих публикаций – сюжет, остающийся за пределами данного сообщения.

В настоящей заметке делается попытка проанализировать поэтический текст Набокова начала 1950-х годов.

Текст Набокова:

Минуты есть: «Не может быть, – бормочешь, –
не может быть, не может быть, что нет
чего-то за пределом этой ночи», –
и знаков ждешь, и требуешь примет.

Касаясь до всего душою голой,
на бесконечно милых мне гляжу
со стоном умиленья; и, тяжелый,
по тонкому льду счастья хожу.

(Набоков 2000:447)³

Самая очевидная (не слишком ли очевидная?) автопараллель к 1-ой строфе – знаменитые слова из хронологически-близких «Других берегов» (гл. 1, I): «...здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой <...> рядовой читатель так привыкает к непонятности ежедневной жизни, что относится с равнодушием к обеим черным пустотам, между которыми ему улыбается мираж, принимаемый им за ландшафт <...> Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной

---

³ В Набоков 2000 отсутствует дата написания. Однако, в Набоков 1991:428 указано – 27 декабря 1953 г. Набоковское «Минуты есть: “Не может быть”, – бормочешь» впервые опубликовано в «Воздушных путях» (1961. №2. С.184) под общим заглавием «Два стихотворения» со стихотворением «Какое сделал я дурное дело» (Набоков 2000:755, комментарий М. Маликовой), что, кажется, свидетельствует о высокой степени его значимости для Набокова (поскольку анти-пастернаковская направленность «Какое сделал я дурное дело» представляется поверхностной и отнюдь не главной.). См. также: Левинг Ю. Гипс, Мрамор, Канон: Реабилитация Набокова. – В кн.: Империя *N. Набоков* и наследники Сб. ст. / Ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. (Научная библиотека. Вып. LVII). С.125-135.

тьмы по оба предела жизни! <...> Кажется, кроме самоубийства, я перепробовал все выходы <...> [в] поисках ключей и разгадок <...>» (Набоков 2000:145-146)⁴.

Есть в стихотворении и отсылка к американской жизни Набокова: «тяжелым» Набоков стал в прямом смысле, отказавшись во второй половине 1940-х годов от курения и превратившись из астеника в корпулентного мужчину.

Начало 1950-х годов для Набокова – это время писания воспоминаний и «Лолиты», а также время работы над комментарием к «Евгению Онегину». Потому не случайно, возможно, 7-ая строка в стихотворении Набокова («со стоном умиленья; и, тяжелый») имеет определенное родство с «тяжелым умиленьем» из Седьмой главы «Онегина» (VII,II,5)⁵. В свою очередь набоковское «тяжелый, // по тонкому льду счастья хожу»⁶, возможно, также связано с «Онегиным»:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег⁷. (гл. IV, XLII, 9-14)

---

⁴ Отдельное издание «Других берегов»: Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. Предшествующая журнальная публикация 1-ой главы «Других берегов»: Опыт. 1954. Кн.3. С.3-49 (в составе публикации под общим заглавием «Воспоминания» – Предисловие и гл. 1-3).

⁵ Как грустно мне твоё явление,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волнение
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!

(«Евгений Онегин», гл. VII, II; курсив внесен – М.Е.).

⁶ Отметим также еще одну возможную параллель к этой строке – слова ценного Набоковым Т. Карлейля в «Истории Французской революции»: «О, легкомысленные смертные, не напоминают ли ваша жизнь менуэт, который вы танцуете на тонком слое льда, отделяющем вас от бездны!» (Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой (ч. I). М.; Мысль, 1991. Кн. I «Смерть Людовика XV», гл. 4 «Людовик незабвенный»).

⁷ Обратим внимание на сходство конструкции – у Пушкина: «Скользит и падает; веселый», у Набокова: «со стоном умиленья; и, тяжелый».

Попытаемся ответить на вопросы: что может стоять за этими совпадениями? Являются ли они случайными?

«Тяжелый гусь» в «Онегине» непрямым образом отсылает нас к тексту Пушкина, в котором находим другой случай «несмелого» хождения по льду. Речь идет о стихотворении «К Овидию» (1821).

Едва прозрачный лед над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замечанный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

(строки 76-84)

Контекст обращения Пушкина в 1821-1822 гг. к фигуре Овидия хорошо известен⁸. Б.В. Томашевский хотя и отмечает, что «[п]сихологический контраст подчеркнут <...> в отношении к изгнанию», указывает, что «[о]сновная тема стихотворения – изгнание поэта. Имя Овидия для Пушкина звучало как имя поэта-изгнанника. Быть может, поэтому он в творчестве Овидия выделял произведения, писанные в Томах⁹ <...> В стихотворении Пушкин вкратце воспроизводит бесконечные жалобы и обращения Овидия к семье и к друзьям с просьбами о смягчении гнева Августа. Во всем этом видно хорошее знакомство с обеими книгами элегий Овидия¹⁰ <...> Историческая аналогия и легла в основу

---

⁸ См.: Senderovich S. Pushkin's Monumental Elegy and Ovid // Russian Language Journal. Vol. XLV, Nos. 151-152 (1991). P.57-74; там же – библиография вопроса.

⁹ В комментарии к «Онегину» Набоков цитирует пушкинское примечание к стихотворению: «Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно назначает местом своего пребывания город Томи (Tomі) при самом устье Дуная» (Пушкин 1977: 344-345; цит. в: Набоков 1998:122). Как указывает Б.В.Томашевский, «[э]то примечание не появилось в печати при послании “К Овидию”. Пушкин перенес его в примечание к VIII строфе первой главы “Евгения Онегина”, но оно появилось только в отдельном издании первой главы и исключено из полного издания романа» (Томашевский 1990:150).

¹⁰ Под «обеими книгами элегий Овидия» Томашевский подразумевает «Скорбные элегии» (“Tristia”) и «Письма с Понта» (“Ex Ponto”).

стихотворения <...> Весь смысл стихотворения в том, что Овидий мечтает о Риме, а Пушкин о севере, о Петербурге» (Томашевский 1990: 152,151,153,154). Таким образом, Томашевским на первое место выдвигается «историческая аналогия» в судьбах поэтов-изгнанников.

Казалось бы, именно этот мотив и привлек Набокова, что и нашло выражение в уподоблении «тяжелого» Набокова с шагающим в недоумении по льду Овидием. Параллель выглядит тогда на редкость бледной: Овидий, Пушкин, Набоков – поэты-изгнанники. Пушкин ищет аналогию в судьбе Овидия, а Набоков, с метафизическими обертонами, – в судьбах Овидия и Пушкина.

Однако, смысл использования Набоковым образа из «овидиевского» текста Пушкина представляется нам более сложным. Для начала напомним слова Томашевского о том, что «[с]тихотворение “К Овидию” является результатом хорошего знакомства с элегиями римского поэта, написанными в ссылке» (Томашевский 1990:150), и сравним их с данной М.Л. Гаспаровым характеристикой IV книги «Писем с Понта», составленной уже после смерти Овидия: «... среди этих стихов появляются такие, каких еще не бывало: впервые Овидий говорит о своем примирении с краем изгнания. В П[исьмах с Понта] IV,14 мы узнаем, что в Томах он ненавидит только холод и войну, а людей ценит и любит, и они ему отвечают тем же <...> А в П[исьмах с Понта] IV,13 мы читаем, что Овидий, столько сетовавший на непонятность гетского языка, уже сам овладел им настолько, что написал по-гетски стихи об апофеозе Августа <...> Новые стихотворения означали, что Овидий преодолел то чувство одиночества, на котором держался поэтический мир его последних лет. Стена, которой он так упорно отгораживал себя от нового своего окружения (языковой, и не только языковой барьер) наконец-то разрушилась: от неприятия мира поэт вернулся к привычному и естественному для него приятию мира. Он понял и почувствовал, что та культура, причастником и служителем которой он был, заключена не вне его, а в нем, что можно быть римлянином и вне Рима, поэтом и без читателей и слушателей» (Гаспаров 2000: 242-243)¹¹.

Итог пушкинского «К Овидию»:

Не славой – участью я равен был тебе

---

¹¹ Напомним, что в рецензии 1836 г. на «Фракийские элегии» Теплякова Пушкин писал о произведениях ссыльного Овидия: «Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях!» - характеристика, судя по всему, значимая для Набокова.

<...>

И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

Если учесть, что, обращаясь к Овидию, Пушкин говорит – «В отчизне варваров безвестен и один, // Ты звуков родины вокруг себя не слышишь» – видя в этом сходство со своим положением, то можно предположить, что Набоков, со своей стороны, продолжает один из самых важных в своей жизни диалогов о судьбе художника в изгнании – разговор с Пушкиным.

Возможен, однако, и еще один скрытый источник набоковского стихотворения в интересующем нас ракурсе. Речь идет о стихотворении О. Мандельштама «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы» (1920), вошедшем в его книгу “Tristia” (Пб. – Берлин: “Petropolis”, 1922)¹². Обратим внимание на возможность сопоставления мандельштамовских «тяжести и нежности» с «тяжелым умилением» Пушкина и «со стоном умиленья; и, тяжелый...» Набокова. М. Гаспаров пишет о “Tristia”: «Заглавное стихотворение сборника “Tristia” – “Я изучил науку расставанья...” – <...> объединяет и любовь, и смерть, и античность, но в иной, более светлой эмоциональной окраске. Заглавие “Tristia” – из Овидия (“Скорбные элегии”, I,3, прощание с Римом перед изгнанием). Но это – ложная отсылка, главный подтекст стихотворения – не Овидий, а Тибулл, элегия I,3 в вольном переводе Батюшкова¹³. Здесь – разлука с милой, ее гадание о новой встрече, мысль о смерти вдали от нее (за упоминанием о “греческом Эребе” – целая картина подземного царства у Тибулла) и мечта о неожиданном возвращении – она из-за прялки бросается ему навстречу, “власы развеяны... и ноги обнажены”. Овидиевское прощание становится у

---

¹² «Книга оформленная М.В. Добужинским, вышла в Берлине (на титуле: Пб. – Берлин) в 1922 г. (дата на обложке – 1921) под заглавием “Tristia”, предложенным М.А. Кузминым» (Мандельштам 1990: 452). Стихотворение «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы» было до включения в “Tristia”, среди прочего, опубликовано в сборнике «Поэзия революционной Москвы» (под ред. И. Эренбурга) (Берлин: Мысль, 1921) (Мандельштам 1990: 486). В 1955 г. стихотворение было опубликовано Г. Струве и Б. Филипповым в одноименном «Собрании сочинений» Мандельштама (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955).

¹³ Упомянем, что Батюшков в письме Вяземскому от 19 декабря 1811 г. пишет о себе: «Маленький Овидий, живущий в маленьких Томах, имел счастье получить твою большую хартию» (Батюшков 1985:253).

Мандельштама лишь подступом к этой тибулловской встрече и соответственно переосмыслиется: слова “наука расставанья” напоминают о “науке любви”, петуший крик приходит не из “Скорбных элегий”, а из “Любовных элегий”, и означает этот крик не утреннюю разлуку, а зарю “какой-то новой жизни” <...> Это – середина стихотворения, за смертной разлукой – новая жизнь <...> и ключевая сентенция, в которой весь смысл стихотворения: “Всё было встарь, всё повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг”. В соответствии с этой мыслью – прекрасно лишь узнавание того, что уже было, – строится и поэтика стихотворения: оно насквозь пронизано реминисценциями» (Гаспаров 2001: 215-216).

Таким образом, отсылка к Овидию у Мандельштама¹⁴ – это сложное движение от «науки расставанья» к «науке любви», за смертной разлукой следует «новая жизнь». Изысканно оркестрованная, эта тема находит свое выражение и в стихотворении Набокова¹⁵. Если наше предположение верно, то одним из подтекстов набоковского стихотворения является и стихотворение Мандельштама из “Tristia”, включающее в себя значимые для Набокова мотивы¹⁶.

Немаловажен и вопрос, кто те «бесконечно милые», на которых смотрит, «касясь до всего душою голой», «со стоном умиленья» лирическое «я»

¹⁴ Отметим, что в первой публикации стихотворения Мандельштама «Не веря воскресенья чуду...» (впоследствии вошедшем в “Tristia”) в журнале «Аполлон» (1916. №9-10 (ноябрь-декабрь).С.75) строки 5-6 вместо отточий были напечатаны как: «Я через овиди степные // Тянулся в каменистый Крым» (Мандельштам 1990:476). Как отмечает К. Ичин, «диалектное слово *овид* вступало в занятую параграмматическую игру с фамилией римского поэта. Тот факт, что Мандельштам впоследствии отверг эту игру, свидетельствует о том, что он хотел скрыть явные источники этого образа в своем тексте» (Ичин 1996:249).

¹⁵ Однако, возможно, что для Набокова был важен и пушкинский подтекст стихотворения Мандельштама «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы». По свидетельству А.Ахматовой, «[о] том, что “Вчерашнее солнце на черных носилках несут” – Пушкин, ни я, ни даже Надя [Н.Я. Мандельштам] не знали, и это выяснилось только теперь из черновики (50-ые годы)» (Ахматова 1967: 177). Не исключая возможности проникновения Набокова в подспудные смыслы текста Мандельштама, неизвестные даже ближайшим к поэту людям, отметим, что, по словам Н. Мандельштам, строка о вчерашнем солнце связана со словами Гоголя о том, «что вчера еще Пушкин, как солнце, был центром притяжения людей и притягивал к себе людей, а сегодня – мертв и лежит в гробу» (Мандельштам Н. 2001: 82). Текст Гоголя был, скорее всего, хорошо известен Набокову.

¹⁶ Возможно, существует связь между еще одним стихотворением Мандельштама из “Tristia” – «Ласточкой» («Я слово позабыл, что я хотел сказать», 1920, и стихами Набокова 1953 г. – разбираемым текстом Набокова и стихотворением «Зимы ли серые смыли» (1953) из цикла «Семь стихотворений»:

...В доме
рояль – как могила на полюсе. Вот тебе
ласточки. Верь тут, что кроме
пепла есть оттепель.

«Лед» и «полос» у Набокова, быть может, связаны с последними двумя строчками «Ласточки»:
«А на губах, как чёрный лёд, горит // Стигийского воспоминанье звона».

набоковского стихотворения. Видеть ли в «бесконечно милых», например, семью самого Набокова?

Быть может, один из вариантов ответа содержится в писавшемся в 1953-1955 годах «Пнине». Так слова «касясь до всего душою голой» можно соотнести со словами из 1-ой главы «Без покрова плоти мы умираем» (Набоков 2009: 38), а «стон умиленья» и «бесконечно милых» – с эпизодом из 5-ой главы, в котором Пнин испытывает (сердечный?) приступ, во время которого его посещает видение («с ясностью галлюцинации») близких ему уже умерших людей – возлюбленной Миры Белочкиной, погибшей в немецком концлагере, и ее отца, играющего в шахматы с отцом Пнина (Набоков 2009: 167-169).

Если воспользоваться «Пниным» как подсказкой, то тогда «голая душа» означает развоплощение, умирание и смерть¹⁷.

Вернемся, однако, к Пушкину. Как показал Б. Гаспаров, «овидиевский текст» Пушкина включает в себя множество сложно-организованных аллюзий и к текстам самого Пушкина, и к поэтическим текстам его современников¹⁸. Не менее важно и то, что Овидий является Пушкину как тень, призрак: «...казалось, предо мной // Скользила тень твоя...» (*строки 82-83*). Как пронизательно сформулировал на материале поэзии Жуковского С. Сендерович, тень, призрак оказывался одновременно *существом* и *знаком*, участником коммуникации и символом ее, вестником иного мира и самой вестью о его существовании (Сендерович 1990:21).

Отметим здесь, что навязчивый поиск мотивов «потусторонности» в текстах Набокова, которым отмечены многие набоковедческие работы последних десятилетий, значительно упростил и вульгаризировал сложную и деликатную проблему. Набоков начал походить сразу и на некоего участника спиритического сеанса, и на вызываемого духа (приводя на память Вайнштока из «Соглядатая»). В своем предположении о смысле стихотворения Набокова мы опираемся на

---

¹⁷ Параллелью к этому могут (?) служить строки из 5-го стихотворения в цикле «Семь стихотворений» (1953):

...И ныне замечаю с грустью,
что солнце меркнет в камышах,
и рябь чешуйчатее к устью,
и шум морской уже в ушах.

¹⁸ Gasparov B. Encounter of Two Poets in the Desert: Pushkin's Myth // Myth in Literature, ed. by Andrej Kodjak, Krysyna Pomorska, Stephen Rudy. Columbus, Ohio: Slavica, 1985. P.124-153.

тексты Набокова и релевантные к нему параллели, а не на презумпцию обязательного «спиритического» подтекста.

Стихотворение 1953 г. – это диалог с Овидием и Пушкиным на двух уровнях. На первом, низшем из них, Набоков обращается к Овидию и Пушкину как к товарищам по изгнанию. Но, кроме горечи, Набоков – вслед за Овидием и Пушкиным – видит в изгнании и возможность для творчества, и оправдание изгнания, обретение в нем смысла. На втором уровне фигура творца в изгнании, среди благосклонных полей и муз, уподобляется Набоковым судьбе человека в метафизическом изгнании, ищущего верных примет существования не географической родины, но «небесной отчизны».

Пушкин обращается к тени Овидия, тогда как Набоков, «ожидая знака» и «требуя примет», обращает вопрос о том, что существует «за пределом этой ночи» – к тени Пушкина.

«Тень Пушкина» присутствовала, разумеется, в русской поэзии и до Набокова – достаточно вспомнить стихотворение В. Кюхельбекера «Тени Пушкина» (1837). Имя Кюхельбекера здесь не случайно. Набоков был хорошо знаком с поздней поэзией Кюхельбекера и дал ей недвусмысленно высокую оценку в своем «Комментарии» к «Онегину»¹⁹. В нем Набоков цитирует «замечательные», по его определению, строки Кюхельбекера из знаменитого стихотворения «Блажен, кто пал, как юноша Ахилл...» (1838):

Он ныне с нашим Дельвигом пирует;

Он ныне с Грибоедовым моим (Набоков 1998: 521).

Текст Кюхельбекера создает, казалось бы, образ, противоположный набоковскому: «А я один среди чуждых мне людей // Стою в ночи, беспомощный и хилый», тогда как у Набокова вопрошание о том, что есть «за пределом этой ночи» неразрывно связано с «на бесконечно милых мне гляжу // со стоном умиленья». Однако процитируем строфу стихотворения Кюхельбекера 1838 г. чуть обширнее:

Он воспарил к заоблачным друзьям.

---

¹⁹ См., напр., замечание о поэме «Агасвер, Вечный жид» (1840-1842): «Несмотря на непонятную архаичность, словесную неуклюжесть, странноватые идеи и ряд композиционных недочетов, поэма, с ее порывистой мелодией и угловатой самобытностью языка, является выдающимся произведением и заслуживает особого внимания» (Набоков 1998: 634).

Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По ним, по ним душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Казалось бы, Набокова мог привлечь здесь тот образ «Элизиума русских поэтов» – с Пушкиным во главе – который уже появлялся за тридцать лет до стихотворения 1953 г. в его ранней поэзии, в текстах памяти Блока (1921) и Гумилева (1923). Однако это предположение маловероятно. Набоков 1950-х годов – художник исключительной силы и сложности, его юношеская поэзия едва ли могла представлять для него тогда особый интерес.

Ответ, возможно, хронологически более близок. Во втором номере издававшегося в Нью-Йорке журнала «Опыты» в 1953 г. было посмертно опубликовано стихотворение В. Ходасевича «На смерть Кота Мурра» (1932)²⁰.

В забавах был так мудр и в мудрости забавен –
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.

О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!

Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственной сетью,
Всё чаще я мечтой приверженной лечу.

Не является ли стихотворение Набокова, датированное декабрем 1953 г., откликом на недавно опубликованное стихотворение Ходасевича?

---

²⁰ Опыты. 1953. № 2. С. 5.

Текст Набокова предлагает несколько возможностей «рекуррентного анализа» и несколько его маршрутов:

от текста Набокова – к Пушкину – от Пушкина к Овидию;

от текста Набокова – к Овидию (через Пушкина) – к Мандельштаму, Тибуллу – и опять к Пушкину;

от текста Набокова – к Пушкину – от Пушкина к Кюхельбекеру – и опять к Набокову;

от текста Набокова – к Кюхельбекеру – к Ходасевичу.

Общим для всех этих возможных подтекстов является семантический ряд «поэт в изгнании – разлука и воссоединение с любимыми – возможность загробного существования – обретение смысла в искусстве – вопрошание дорогих поэту теней о посмертном с ними воссоединении».

Многочратно описанная полисеманτικότητα аллюзий у Набокова здесь, в тексте 1953 года, кажется, присутствует с высокой степенью вероятности.

Если наша догадка не беспочвенна, то метафизика, поэзия и личная судьба Набокова совпадают в едином вопросе о «луче личного среди безличной тьмы» и связаны с тенями Пушкина и Ходасевича.

Литература

- Ахматова 1967 – Ахматова А.А. Сочинения. Том 2. [Б.м.:] Международное Литературное Содружество, 1967.
- Батюшков 1985 – Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии/ Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Кошелева. М.: Современник, 1985.
- Гаспаров М. 2000 – Гаспаров М.Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000.
- Гаспаров М. 2001 – Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
- Ичин 1996 – Ичин К. Бродский и Овидий // НЛЮ. №19 (1996). С.227-249.
- Левинг 2006 – Левинг Ю. Гипс, Мрамор, Канон: Реабилитация Набокова. – В кн.: Империя Н. Набоков и наследники Сб. ст. / Ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. (Научная библиотека. Вып. LVII). С.125-135.

- Мандельштам 1990 – Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Стихотворения. Сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлера; Вступ. статья С. Аверинцева. М.: Художественная литература, 1990.
- Мандельштам Н. 2001 – Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. М.: «Издательство Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2001.
- Набоков 1991 – Набоков В.В. Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В.С. Федорова. М.: Современник, 1991.
- Набоков 1998 - Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»/ Пер. с англ. СПб.: «Искусство – СПб.»; «Набоковский фонд», 1998.
- Набоков 2000 – Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. Ю. Левинга, А. Долинина, М. Маликовой, О. Сконечной, А. Бабикова, Г. Глушанок. СПб.: «Симпозиум», 2000. Т.5.
- Набоков 2009 – Набоков В. Пнин: Роман / Пер. с англ. Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009.
- Пушкин 1977 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. 4-е. Т.2: Стихотворения 1820-1826. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977.
- Сендерович 1990 – Сендерович М., Сендерович С. Пенаты: Исследования по русской поэзии. East Lansing, Mich.: Russian Language Journal Press, 1990.
- Томашевский 1990 – Томашевский Б.В. Пушкин. Т.2. Юг; Михайловское. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990.

